

НА ПУШКИНСКОЙ земле цвела сирень. Она смотрелась в голубые воды Сороти, поднималась по крутому холму Михайловского, бушевала в Тригорском, возникла в дымчато-синем, то лиловым, то бело-розовым облаком на уличках Пушкинских Гор, насыщая воздух своим густым и теплым ароматом.

В лесах уже цвели сосны, лесная фиалка, ландыш, земляника, рябина...

К вечеру зарядили короткие грозы с громами и золотыми ливнями. Наутро умытой и помолодевшей предстала вся окружающая природа.

Пушкинская земля готовилась к празднику — дню рождения своего великого певца.

Здесь роши пахнут
прелью и смолою,
Здесь слышится
дыхание веков,
Как старцы,
вереницы облаков
Бредут над святогорскою
землею,
Над Соротью...
Из дальних далеков
Вдруг отзовется
пушкинское слово,
Погаснет
и возникнет снова,
И сердцу станет
вольно и легко.

И чувствуешь,
что над тобой не властно
Извечное движение
времен,
И понимаешь вдруг,
какое счастье
Идти тропой, по которой он
Ходил
И был
Уже тогда к душе
твоей причастен.

Да, свята эта земля. И не скрою, не решился я сразу пойти на могилу поэта, поклониться его праху, хотя Святогорский монастырь был рядом, как не решился сразу направиться и в Михайловское, которое всего в четырех километрах от Пушкинских Гор, а долго бродил по окрестным рощам. И молчаливые северные камни, скрывавшиеся под сенью деревьев, были так же прекрасны, как и фиалки, как и тоненькие свечи сосновых побегов, как и сама зеленая тишина, хранимая а вековых зарослях.

В цветенье рябиновом
горьком
Открылся мне пушкинским
дом,
И мостик над чистым
прудом,
И Сороть, и Савкина горка...

Спасибо Александру Матвеевичу Савыгину, человеку уже немолодому, родившемуся в этих местах и отдавшему им свою любовь и душу, спасибо ему, он разделил со мной радость встречи с Пушкиным, на здешней земле, он открыл двери в кабинет Александра Сергеевича и светлицу Арины Родионовны, показал дорогу, по которой ходил поэт в Тригорское, увлек на древние холмы, на городище Воронич и Савкину горку, откуда как на ладони видны все михайловские поля и озера — «приятное спокойствие, трудов и вдохновенье».

Широкое, добродушное лицо, очки, под ними живые глаза — чем-то напоминал он И. И. Пущина, приехавшего, несмотря на царский запрет, к сызмальки поэту 11 января 1825 года. «Мой первый друг, мой друг бесценный!» — вывалось тогда из сердца благодарного Пушкина.

Александр Матвеевич прошел войну, в сорок четвертом, после контузии, возвратился на родину и возглавил районную газету «Пушкинский край». Не однажды предлагали ему потом переехать в Псков, но он остался здесь, издал несколько книг о Пушкино-Горском районе и заповеднике, известном сегодня повсеместно. За деревенской Бугрово стоят задумчивые михайловские рощи. У входа — скромная могила.

Отсюда, от могилы Неиз-

вестного солдата, начинался наш путь в Михайловское. В Михайловское, где прожил Пушкин всего два с половиной года, включая ссылку, где явился миру четыре главы «Евгения Онегина» (четыре главы! А каждая пушкинская строка, великий глагол его каждый — бессмертье нашего языка и праздник души нашей), трагедия «Борис Годунов» (эта жемчужная вершина

кала к себе внимание, ибо имя Пушкина было связано с борьбой за народную правду и счастье. Псковские ходоки с подписными листами отравились в Москву и во Владивосток, в Белоруссию и на Украину, в Сибирь и на Кавказ...

17 мая 1922 года постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР Михайловское, Тригорское и могила Пушкина в Святогорском монастыре были объявлены государственным заповедником.

Нельзя без боли в сердце знакомиться с фотографиями и документами Великой Отечественной войны. Уже в первые дни вражеская авиация совершила несколько налетов на станцию Тригорское, а 3 июля были сброшены бомбы и на Пушкинские Горы. При бомбежке пострадал Святогорский монастырь-музей: взрывной волной с него был сбит купол.

12 июля начались дни оккупации. Фашисты принесли с собой смерть и истребление. Три года они хозяйничали здесь со всей дикостью завоевателей, которые во что бы то ни стало хотели уничтожить национальное наследие русского народа.

Висит в музее уникальная фотография, на которой заповедные места опутаны колю-

го поэта. Отомстим немецко-фашистским захватчикам, надругавшимся над памятью Пушкина!

Не знаю, чье пламенное сердце диктовало эти строки, но примеров героизма на пушкинской земле во время наступления было немало.

РАССКАЖУ о малоизвестном эпизоде, происшедшем на заминированной могиле А. С. Пушкина сразу же после освобождения Святогорского монастыря. Ленинградский искусствовед Анастасия Георгиевна Лебедева записала воспоминания профессора Ленинградской государственной консерватории Анатолия Никодимовича Дмитриева, ныне уже покойного, прошедшего войну с 54-й армией, где он руководил армейским музыкальным ансамблем.

«Как-то, уже на пути к Пушкинским Горам, — рассказывал профессор, — нам в руки попали ноты. Это были два тома академического издания романсов Чайковского, партии его струнных квартетов, клавир оперы Вагнера «Тангейзер». Вагнера мы, конечно, исполнять не могли — слишком мал был наш оркестр, но все остальное удалось осилить. Особенно хорошо звучали медленные части квартетов Чайковского, правда, в не-

В летописи Отечества

ПУШКИНОГОРЬЕ

драматургии русской), да еще поэмы «Цыганы» и «Граф Нулин», да стихотворения «Пророк», «Разговор книгопродавца с поэтом», «19 октября», «Деревня», «Я помню чудное мгновенье...» Мы шли в Михайловское, которое в минуты отчаяния называл он проклятым, глум и наводящим «тоску и бешенство» и которое любил всем своим существом поэта. «В глуши лесов сосновых» впервые зазвучали стихи, полные любви и жизни, веры в светлое будущее, полные того великого пушкинского оптимизма, который побеждал «горечь изгнания». Из Петербурга он писал потом П. А. Осиповой: «Признаюсь, сударыня, шум и суета Петербурга мне стали совершенно чужды — я с трудом переношу их. Я предпочитаю ваш чудный сад и прелестные берега Сороти...» И в другом письме: «Назло судьбе мы в конце концов все же соберемся под рябинами Сороти...»

«Овины дымные и мельницы крылатые...» Ведь это не просто — холмы и доли, косогоры и лужайки. Разве мало их на Руси великой! Но здесь колыбель Пушкина, колыбель его вдохновения. Эти поля и дали, озера и озера помнят его мечтающим и страдающим, влюбленным и веселым, стремглав несущимся на скакуне и взгрустнувшим на пологом речном берегу, помнят его «прогулки среди вечерней тьмы, и слезы, тайных мук отрады...» В этой природе он жил и творил, она давала силу его словам, крылатость его сердцу... Низкий поклон тебе, земля пушкинская!

В ЧЕТЫРЕХ музеях Пушкинского заповедника хранится немало экспонатов и документов, рассказывающих о всенародной любви к поэту. Есть свидетельства, как после смерти А. С. Пушкина, когда имение стало приходиться в запустение, простым людям была выдвинута идея приобрести Михайловское в национальную собственность. Идея всенародного кружечного сбора средств повсюду встречала сочувствие и привле-

чей проволокой. Ее сделали зимой 1944 года наши фронтовые разведчики.

На околице Михайловского, почти возле калитки, ведущей к усадьбе, стоит старая, высокая и красивая сосна. Ей лет триста, а может быть, и более. Она была свидетельницей закладки михайловского дома, она видела Пушкина и его предков. Только видела старая-престарая сосна не одни картины мирной жизни. В 1944 году она стояла на передовой линии фронта, который тянулся по берегу Сороти. Она видела, как падали под фашистскими топорами заповедные деревья (а было здесь вырублено более 30 тысяч кубометров леса), как горел дом-музей поэта. В ее густых ветвях устроили гитлеровцы гнездо для снайпера и площадку для артиллерийского наблюдателя. За широким стволом дерева был оборудован командный блиндаж. Для отделки его использовали изразцы и кирпич из дома-музея, двери кабинета А. С. Пушкина.

Израженная осколками и пулями, эта старая сосна видела отход врага, видела возвращение советских воинов, и текли из ран ее не капли теплой смолы, а слезы радости. Она и сегодня шумит кроной, современница поэта и живой свидетель обвинения фашистского варварства.

Пушкиногорье было освобождено в июле 1944 года войсками 321-й и 54-й стрелковых дивизий. У меня в руках пожелтевшая, обтрепанная по краям листовка, выпущенная политотделом 54-й армии. Вот строки из нее:

«Пушкин! Какому советскому человеку не дорого это имя...»

Пламенный патриот, Пушкин верил в наш народ, в его силу и отвагу, в то, что из любой беды он выйдет и любого врага одолеет...

Вперед же, воины нашего соединения! Много мерзавцев уложили уже мы «в полях России, среди нечуждых им гробов». Продолжим наше святое солдатское дело здесь, в местах, овеянных гением велико-

сколько необычной интерпретации. Партии скрипок исполнили А. Фишерман и М. Сударев, партию альты — А. Кузнецов, чудом раздобытый где-то струнный альт. А виолончель заменил... тромбон. Э. Аронович был истинным виртуозом, его тромбон отлично сливался со струнными.

Чем мы могли почтить память поэта? Конечно, музыкой. И вот в Святогорском монастыре зазвучала музыка Чайковского как дань любви народа-борца своему великому поэту. У самой могилы было слишком много мин, поэтому мы играли у монастырских келий. Тишина стояла абсолютная, вероятно, музыка как нельзя более соответствовала настроению людей.

Приехал поклониться праху поэта и командующий войсками 3-го Прибалтийского фронта генерал И. И. Масленников со своим штабом. Молча стояли вначале у могилы Пушкина. «Разрешите, товарищ генерал, — обратился к нему сапер с миноискателем. — Под вами мина». Масленников отступил в сторону, а боец буквально под его ногами разрыл землю и вытащил большой продолговатый ящик, наполненный толом...»

ОДНАКО вернемся снова в Михайловское, пройдем горбатый мостик и поступимся в дом под раскидистым дубом, на двери которого написано: «Здесь не музей, а квартира. Музей дальше». Выйдет вам навстречу седой человек, «домовой» Пушкиногорья, ученый и писатель, директор Государственного ордена Трудового Красного Знамени музея-заповедника А. С. Пушкина Семен Степанович Гейченко.

Я был у него в воскресный полдень, когда на длинном столе стоял самовар, а впрочем, самовары стояли везде — большие и маленькие, стройные и пузатые, сердитые и добродушные, самовары да колокольчики, да подковы — на полках стен, в окнах, на специальных подставках, на этажерках... Семен Степанович леонидом Жуком. Текла у них дружеская беседа на тему «Армия и Пушкиногорье». Размахивая пустым рукавом, словно птица крылом, директор рассказывал о том, как еще в 1920 году одна из воинских частей принимала активное участие в восстановлении и благоустройстве заповедника, а после освобождения пушкинской земли в Михайловском два года стоял саперный полк, ведущий разминирование руин и оказывающий большую помощь работникам музея...

Сам Гейченко пришел в Михайловское с фронта, за год до окончания войны, и с тех пор безвыездно живет в сельце, делает самое главное дело жизни: сохранять и приумножать все пушкинское, донести до людей живого Пушкина.

В день своего восьмидесятилетия Семен Степанович был удостоен звания Героя Социалистического Труда, стал почетным гражданином Пушкинских Гор. И не было ни одного старожилы этих мест, который не пришел бы поздравить хранителя Пушкиногорья.

А Семен Степанович тем временем быстрым, молодым движением поднимается из-за стола, исчезает в соседней комнате и появляется через минуту с картиной под мышкой и стопкой пригласительных билетов.

— Вот, это возьми, — говорит он майору. — Картину — для Ленинской комнаты, а билеты — для солдат, на художественные выставки, которые будут работать на Пушкинском празднике. И всем — мое спасибо за помощь.

Я потом узнал, что группа солдат во главе с секретарем парткома одной из воинских частей майором Л. Жуком приезжала на экскурсию, а заодно решила и поработать, расчистить место под сруб восстанавливаемой в будущем водной мельницы.

В заповеднике это не редкость — объявляются школьники, студенты, отпускники: дайте, мол, работу. И трудятся, помогают штатным сотрудникам. Из уважения к этой чудесной русской земле, из любви к гению Пушкина. А заодно прикасаются к его духовному богатству, к гармонии бессмертной его поэзии.

— За последние годы число паломников в пушкинские места растет на глазах, — говорит Семен Степанович. — В прошлом году посетителей было более шестисот тысяч. В этом ожидаем еще больше. С ростом посетителей прибавляется забот. Но не только. Прибавляется и удовлетворения. Все, что сделано за сорок лет, не пропало зря...

Поздним вечером уходил я из Михайловского. В птичьем многоголосье вдруг отличил глуховатое:

— Ук-ку, ук-ку...
— Сколько лет ты даруешь, подружка?
Я спросил над заросшим прудом.
Отозвалась в Тригорском кукушка,
Замолчала
на тридцать восьмом.
Может быть, совпадение простое?
Я вопрос повторил свой
потом.
Отозвалась кукушка
в Петровском
И замолкла
на тридцать восьмом...

ТРИЖДЫ в году отмечаются здесь пушкинские дни. В августе — день прибытия поэта в ссылку, в феврале — день его памяти, в начале июня — день рождения.

Завтра на Большой михайловской поляне соберутся десятки тысяч людей, наших современников, на XVII Всесоюзный пушкинский праздник поэзии. Придут крестьяне из далеких и близких деревень, приедут рабочие, писатели, инженеры, ученые изо всех уголков Советского Союза. И под «синим колоколом дня» вновь прозвучит пушкинский призыв: «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!», зазвучат стихи русских, украинских, грузинских — да разве перечислишь! — поэтов, посвященные первому стихотворцу России.

Да, завтра в Пушкиногорье праздник, праздник пушкинской музы!

Капитан 2 ранга
В. ЛУКАШЕВИЧ,
корр. «Красной звезды».
Псков — Пушкинские Горы
— Ленинград — Москва.

На гравюрах художника В. БАСИЛЬЕВА терраса Дома-музея А. С. Пушкина; домик няни.

